

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Бернард Хаттон

**СЕКРЕТНАЯ
МИССИЯ
РУДОЛЬФА ГЕССА**

**ЗАКУЛИСНЫЕ ИГРЫ
МИРОВЫХ ДЕРЖАВ**

1941–1945

Бернард Хаттон

**Секретная миссия Рудольфа
Гесса. Закулисные игры
мировых держав. 1941-1945**

«Центрполиграф»

Хаттон Б.

Секретная миссия Рудольфа Гесса. Закулисные игры мировых держав. 1941-1945 / Б. Хаттон — «Центрполиграф»,

Книга Бернарда Хаттона посвящена Рудольфу Гессу, ближайшему другу и заместителю фюрера по партии, который в мае 1941 года, за месяц до того, как военная машина Германии обрушилась на Советский Союз, с аэродрома близ Мюнхена отправился в полет к Британским островам. Его тайной целью было обсуждение возможности заключения мирного договора между Англией и Германией. Через несколько часов он стал пленником бойцов местной самообороны в горной Шотландии. На основе секретных архивных материалов автор – убежденный антифашист – восстанавливает жизненный путь и характер Гесса, размышляет над причинами провала его миссии, описывает годы одиночного заключения в Шпандау, продлившегося до конца дней тайного «миротворца». В книге приводятся редкие фотографии Гесса и его окружения.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Бернард Хаттон

Секретная миссия Рудольфа Гесса. Закулисные игры мировых держав. 1941-1945

Гарольду, моему сыну

Раздумывая обо всей этой истории, я радуюсь, что мне не пришлось нести ответственность за то, как обращались и продолжают обращаться с Гессом.

Какова бы ни была нравственная вина Гесса, стоявшего столь близко к фюреру, с моей точки зрения, этого немца оправдывает его фанатичное безумное самопожертвование.

Он прилетел к нам по своей воле и, не имея полномочий посланника, обладал всеми его качествами. Надо понять, что Гессом должны заниматься не судьи, а врачи.

Уинстон Черчилль

Самое высшее, чего можно достичь – это прожить свою жизнь героически. Такую жизнь ведет человек, который, желая облагодетельствовать всех людей, преодолевает величайшие трудности и получает лишь жалкую награду или вообще не получает никакой.

Артур Шопенгауэр

Глава 1

ОДИНОКИЙ НЕМЕЦКИЙ ОРЕЛ

Всю долгую-долгую ночь германские бомбардировщики, волна за волной, пересекали береговую линию Британии и летели в сторону огромного красного зарева на горизонте. В Лондоне царил ад. По небу метались лучи прожекторов, непрерывно ухали зенитки, а британские ночные истребители бесстрашно бросались в бой, чтобы отогнать бомбардировщиков врага.

Лондон боролся за жизнь. Пожарные пытались погасить бушующее пламя, и по улицам, заваленным обломками разрушенных зданий, змеились пожарные шланги. Грохотали орудия, рвались бомбы, и в эту какофонию смерти и разрушения вливался резкий звон пожарных колоколов и вой сирен машин скорой помощи. Лондонская служба спасения города, и без того сильно перегруженная, отчаянно пыталась защитить его от все новых и новых волн вражеских бомбардировщиков, вторгавшихся в пределы Британии. Самолеты, которые уже сбросили свой смертоносный груз, набирали высоту, разворачивались и летели сквозь разрывы шрапнели на свои базы.

Стояла ночь 10 мая 1941 года. Лондон никогда еще не переживал такого сильного налета. (Это был последний массированный налет люфтваффе на Лондон, «посвященный» годовщине начала операции «Гельб» («Желтый») на Западе, закончившейся полным разгромом Франции, Бельгии, Нидерландов и британских экспедиционных сил. 22 июня 1940 г. французская армия, подписав перемирие с немцами, прекратила сопротивление, потеряв 84 тыс. убитыми и 1 млн 547 тыс. пленными. Немцы потеряли 45,5 тыс. убитыми и пропавшими без вести. После налета 10 мая 1941 г. основные силы люфтваффе были переброшены на Восток, против СССР. – *Ред.*)

Мозг британской противовоздушной обороны работал на полную мощь, стараясь защитить страну в тех местах, где по ней наносились самые ощутимые удары. Но в Шотландии, в 560 км к северу от Лондона, царила тишина. Сегодня Гитлер обрушил весь свой гнев на Лондон.

На севере британцам ничего не угрожало. Тем не менее они находились в состоянии боевой готовности, чтобы в любую минуту встать на защиту своей страны. И когда на командно-дальномерном посту оператор женских частей противовоздушной обороны сообщила о появлении на экране радара летательного аппарата неизвестной принадлежности, голос ее звенел от волнения. К шотландскому побережью со стороны Северного моря приближался одиночный самолет, который был уже недалеко от города Берик-апон-Туид (на севере Англии, у административной границы с Шотландией. – *Ред.*).

Сообщение об этом немедленно было передано служащим корпуса наблюдения, которые находились на своих наблюдательных постах, защищенных мешками с песком. Солдаты припали к своим наблюдательным приборам и стали осматривать ночное небо.

Вскоре самолет был замечен. Наблюдатели опознали его по звуку моторов, тупым концам крыльев и характерной форме воздушных рулей. Это был «Мессершмитт-110», летевший на запад со скоростью около 180 миль в час.

Впрочем, наблюдатели часто ошибались, особенно по ночам, и их сообщению, что границу нарушил Ме-110, не поверили. Все знали, что этот немецкий истребитель обладает весьма ограниченным радиусом действия. Ни один «Мессершмитт-110» не смог бы долететь от Германии до Шотландии, а потом вернуться назад. Тем не менее, когда он пролетал над Колдстримом, Пиблсом и Ланарком, за его курсом следили.

Лейтенант Том Хислоп, офицер полиции графства Ренфру, ехал на своей черной полицейской машине по Иглшемской дороге, возвращаясь домой из Дамбартона. С ним была его дочь Нэн, возглавлявшая женские части противовоздушной обороны. Том Хислоп вез ее домой на выходные. Радио в его машине было включено, и они услышали сообщение полиции: «Одиночный самолет противника пролетел над рекой Клайд и движется в сторону Глазго. Он не опознан, но должен рассматриваться как вражеский. Он, вероятно, неисправен. Все офицеры полиции должны быть готовы к его приземлению».

– Он пролетает как раз над нашими местами, – сказала Нэн.

Хислоп остановил машину на обочине, и отец с дочерью вышли в ночную тишину и прислушались.

– Я слышу звук мотора, – сказал Хислоп.

Нэн тоже слышала его. Самолет медленно приближался, и слабое поначалу урчание мотора превратилось в оглушительный рев. И вот он уже летит прямо у них над головой.

В эту минуту из-за облаков выглянула луна, и они заметили высоко в небе серебристый блеск. Самолет явно был неисправен: резко опустив нос, он быстро снижался. Если так пойдет и дальше, он неминуемо врежется в землю. Они увидели, как на серебряном фоне мелькнуло темное пятно, а потом вниз полетела небольшая темная капля, над которой вскоре раскрылся парашют. Самолет ревел, неумолимо снижаясь. Он исчез за горизонтом и через несколько мгновений выдал место своего падения душераздирающим скрежетом исковерканного металла.

Парашют отнесло ветром, и он скрылся из вида.

– Это и есть тот самолет, за которым нам надо было следить, – вздохнул Хислоп, усаживая Нэн в машину.

Он рассчитал, что самолет должен был упасть в полутора милях отсюда, и поехал по Иглшемской дороге до пересечения ее с дорогой Флоре. Здесь он остановил машину и прислушался, надеясь уловить звуки, которые могли бы подсказать ему, куда надо ехать.

Дорога Флоре вела к ферме Флоре, и Хислопу показалось, что он услышал крики, доносившиеся оттуда. Он снова завел мотор и поехал по узкой дороге.

Неподалеку от фермы Флоре стоял небольшой, побеленный известкой дом, в котором обитал главный пахарь фермы Дэвид Маклин – холостяк лет сорока пяти, живший с матерью и сестрой. Женщины уже легли спать, а он раздевался, когда до его ушей донесся шум летящего самолета. Он выключил свет, раздвинул шторы затемнения и вгляделся в ночную тьму. Вскоре самолет был уже над самым его домом, и летел так низко, что от грохота моторов на камине Маклина задрожали фарфоровые статуэтки. Когда самолет свернул в сторону, рев двигателей стал тише, а затем вдруг резко прекратился. В наступившей тишине было хорошо слышно, как свистит ветер в элеронах самолета. С каждой минутой он становился все слабее. Маклин понял, что машина вот-вот врежется в землю, и обхватил себя руками, ожидая взрыва. Но его не последовало.

И снова Маклин стал всматриваться в небо, но там ничего не было. Впрочем, нет... *было!* Он разглядел сносимый ветром, медленно опускавшийся парашют, похожий в лунном свете на призрачное видение.

Дэвид Маклин торопливо надел куртку, всунул ноги в сапоги и постучал в дверь матери.

– На парашюте спустился летчик, – предупредил он. – Это может быть немец. Я пойду его искать, а тебе лучше встать.

Он выскочил из дома, подбежал к калитке, которая выходила на пастбище, и увидел, что парашютист уже приземлился. Дул ветер, и парашют вздувался и мотался, таская за собой летчика.

Когда Маклин подошел к нему, он пытался отстегнуть ремни парашюта. Маклин схватился за стропы и держал их, пока пилот освобождался. Он прополз пару ярдов, перевернулся на спину и сел, тяжело дыша.

Маклин смотрел на него с опаской, но в поведении летчика не было ничего угрожающего. Шотландец почувствовал, что тот настроен дружелюбно. Тем не менее он спросил:

– Вы немец?

Парашютист наконец совладал со своим дыханием. Он попытался встать, но его правая нога подвернулась, и Маклин инстинктивно поддержал его, расставив ноги, чтобы летчик смог на него опереться.

– Да, – ответил летчик с заметным акцентом. – Я немец. Меня зовут гауптман Хорн.

Он был почти на голову выше Маклина и гораздо крупнее его. Но пахарь не испытывал страха, поддерживая врага. Немец был настроен дружелюбно и, очевидно, надеялся на помощь.

– Пожалуйста, – произнес он, – отвезите меня в Дангейвел-Хаус. Это, должно быть, недалеко отсюда, а мне очень нужно встретиться с герцогом Гамильтоном. У меня для него срочное послание.

В этот момент самолет немца, упавший на довольно большом расстоянии от того места, взорвался. Огромный язык пламени осветил небо, выхватив из тьмы силуэты изгородей и деревьев.

– С вами в самолете никого не было? – с тревогой спросил Маклин.

– Нет, попутчиков у меня не было, – ответил немец. – Я прилетел один.

– Вы вооружены?

Немец приподнял руки:

– У меня нет никакого оружия. Можете меня обыскать.

Маклин быстро пробежал руками по его форме и убедился, что оружия под ней нет.

– Скажите, – спросил немец, – вы сможете сейчас же отвезти меня к герцогу Гамильтону?

Просьба была изложена таким тоном, каким отдают команды. Видимо, ему действительно было необходимо срочно увидеть герцога, и Маклин простил немцу приказной тон.

Но к тому времени парашютиста заметил еще один человек. Это был Уильям Крейг, который, несмотря на свои шестьдесят восемь лет, бежал к ним по пастбищу.

– Кто это? – закричал он. – Что здесь случилось?

– Это – немецкий летчик, – объяснил ему Маклин. – Бегите и приведите сюда солдат.

В Иглшем-Хаус на дороге Флоре размещалась часть королевских связистов, и Уильям Крейг побежал за ними. Маклин остался с летчиком.

Немец обнял шотландца за плечи, тяжело навалился на него, и они заковыляли к калитке. Сделав несколько шагов, летчик остановился и оглянулся.

– Я не могу оставить здесь свой парашют.

– Об *этом* можете не беспокоиться, – произнес Маклин.

– Я хотел бы сохранить его, – заявил немец. Он слабо улыбнулся. – Ведь он спас мне жизнь.

Маклин на мгновение задумался.

– Стойте здесь, – приказал он. – Я принесу ваш парашют. Но не пытайтесь бежать.

Он принес парашют, и они снова заковыляли к коттеджу.

Миссис Маклин ждала их у входа.

– Заходите побыстрее и закрывайте дверь. Тогда я смогу зажечь свет, – сказала она.

Когда свет зажегся, немец встал и поклонился.

Миссис Маклин посмотрела на него с удивлением:

– Вы немец?

– Да, я немец.

– Проходите-ка лучше в комнату и садитесь, – пригласил Маклин. – А ты, мама, принеси нам чаю, – сказал он матери.

Миссис Маклин поспешила в кухню, а летчик с облегчением опустился в удобное кресло и вытянул больную ногу.

Шотландец с любопытством смотрел на него. Ему казалось, что он видит сон. Могло ли ему прийти в голову, что он будет принимать в своем доме немецкого летчика?

– Далеко ли отсюда до Дангейвел-Хаус? – спросил тот.

– Нет, всего десять или двенадцать миль.

– Так вы отвезете меня туда? Мне срочно нужно переговорить с герцогом Гамильтоном!

Маклин почесал затылок.

– Давайте дождемся солдат. Они все устроят. Я ведь совершенно штатский человек.

Немец покорно кивнул.

– Я участвовал в прошлой войне, – произнес Маклин. – Мы сражались на высотах под Аррасом.

Немец улыбнулся:

– Я тоже воевал под Аррасом.

Этот человек был немцем... врагом. Маклину неожиданно пришло в голову, что проявлять дружеские чувства по отношению к врагу преступно. Он нахмурился и резко бросил:

– Да, вы воевали – только с *другой* стороны!

Наступило неловкое молчание, которое нарушила миссис Маклин, вошедшая в комнату с чайным подносом.

– Хотите чаю? – спросила она немца, который снова учтиво встал.

– Спасибо, – вежливо ответил он. – Но я не пью чай в такое время. Можно просто воды?

Миссис Маклин, ее сын и дочь пили чай, а немец – воду. Маклин подумал, что Крейг слишком уж долго ходит за солдатами. Он не знал, что солдаты пошли на пастбище, и, увидев, что немец и его парашют исчезли, в этот самый момент прочесывали сараи и хозяйственные постройки фермы.

Немец вытащил из внутреннего кармана бумажник и, вынув оттуда фотографию, протянул Дэвиду Маклину.

– Это мой сын, – сказал он.

Маклин передал фото матери, которая с живым любопытством стала рассматривать ребенка.

– Красивый мальчик, – сказала она, возвращая фотографию.

Летчик вздохнул:

– Кто знает, когда я теперь его увижу.

Тем временем Маклину пришло в голову, что его пленник, по-видимому, не простой человек. На вид ему было около пятидесяти – в этом возрасте летчики уже не летают. Форма у него была сшита из исключительно дорогой материи, а Маклин читал, что немецких пилотов одевают в форму из какого-то дешевого барахла. На руке у немца были дорогие золотые часы, а личный жетон висел на прекрасной золотой цепочке. Но больше всего шотландца поразили его летные сапоги, отороченные мехом. Они были сшиты из мягкой и гладкой кожи, которая обычно идет на изготовление перчаток, и явно на заказ. Да и сам немец был не из рядовых. Несмотря на его учтивость и намерение быть дружелюбным, он держал себя как человек, привыкший командовать и знающий, что его приказы исполняются мгновенно.

– Как вас зовут? – спросил Маклин.

– Я – гауптман Хорн. Альфред Хорн. А звание гауптмана соответствует вашему капитану.

В эту минуту в дверь постучали. Миссис Маклин открыла ее и ввела в комнату двух молодых армейских связистов, одетых в военную форму с голубыми и белыми флажками корпуса связи на рукавах.

– Мы обыскались вашего пленника, – произнес один из них и с любопытством посмотрел на немца.

Маклин с удивлением отметил, что связисты не вооружены.

– Вы собираетесь его забрать? – с сомнением в голосе спросил он.

В дверь снова постучали, и в крошечную гостиную вошли еще два человека. Один из них был одет в штатское, но на голове его красовался шлем, на котором было написано: «Полиция». Другой был одет в обычные брюки, китель бойца местной самообороны и железную каску. Он взмахнул мощным револьвером Уэбли-Скотта (калибр 11,56 мм), который во время Первой мировой войны имели все офицеры, и свирепо крикнул:

– Руки вверх!

Его приказ прозвучал так угрожающе, что все присутствующие вскинули было руки, но тут же, опомнившись, опустили их.

Полицейского звали Роберт Уильямсон – он был местным инженером, добровольно принявшим на себя обязанности констебля по особым поручениям. С ним явился его сосед, мистер Кларк, доброволец местной самообороны. Оба они были дома, когда услышали у себя над головой рев немецкого самолета, а потом и грохот его падения. Уильямсон выбежал в сад и увидел спускающийся парашют. Он испугался, вдруг немец сбросил с самолета мину, и вызвал Кларка. Однако, когда парашют опустился на землю, взрыва не последовало. Кларк достал свой «Уэбли-Скотт», который после войны держал на всякий случай, вставил в него все шесть патронов и вместе с Уильямсоном отправился на поиски парашютиста. Проезжая по Иглшемской дороге, они услышали взрыв и увидели столб пламени, поднявшийся над упавшим самолетом. Они свернули на дорогу Флоре, и недалеко от фермы Флоре какой-то человек показал им, как проехать к дому Маклина.

– Мы оба были очень возбуждены, а Кларк угрожающе размахивал своим револьвером, – рассказывал Уильямсон. – Когда мы вошли в дом Маклина, немец спокойно сидел у камина. Он показался мне невозмутимым и уверенным в себе, и я понял, что у нас с ним проблем не будет. Он слегка улыбался, правда, улыбка у него была сардонической, а в глазах сверкал лукавый

огонек, словно все происходящее его забавляло. Я был удивлен, увидев человека средних лет, – я-то думал, что немецкие летчики все молодые.

Уильямсон задал пленнику несколько обычных вопросов.

– У вас есть оружие?

– Нет, – заявил немец.

– С вами был еще кто-нибудь?

– Нет, я прилетел один.

– Есть ли в вашем самолете часовая бомба, которая может взорваться?

– Нет.

Маклин почесал затылок и посмотрел на Уильямсона:

– Вы отвезете его в полицию?

Отделение полиции располагалось в доме, принадлежавшем местному полицейскому.

– Нет, не отвезу, – вздохнул Уильямсон. – Нам негде размещать арестованных. У нас нет камеры, – пояснил он.

Маклин посмотрел на солдат:

– А вы?

Оба связиста покачали головой. Отделение королевских связистов, которое размещалось в Иглшем-Хаус, имело приказ держать в секрете характер своей деятельности. Связисты не имели права сообщать населению об этом приказе и просто-напросто отказались принять пленника.

Проблему разрешил мистер Кларк, боец местной самообороны.

– Мы отвезем его в казарму войск самообороны в Басби, – решительно заявил он.

Немец всячески демонстрировал свое желание помочь людям, в руки которых он попал. Он поклонился Маклину, поблагодарив его за гостеприимство. Выйдя из дома, заковылял к машине Уильямсона, не обращая внимания на то, что Кларк тыкал ему в спину своим револьвером. Он сел спереди, рядом с шофером.

Через несколько минут после того, как Уильямсон увез своего пленника, к ферме Флоре подъехал лейтенант полиции Том Хислоп. Узнав, что немца доставят по назначению, он занялся осмотром упавшего самолета. Огонь уже погас, но обломки еще дымились. Серебристая краска на фюзеляже облупилась и почернела. Вскоре приехал еще один полицейский в военном кителе, надетом поверх обычных брюк. Хислоп велел ему отгонять от самолета зевак, поскольку он мог еще раз взорваться и ранить охотников до сувениров. И это было сделано вовремя – кое-кто уже попытался отломать кусок руля направления. Зевак пришлось прогнать.

Хислоп осмотрел самолет, осветив его фонариком. Это был истребитель «Мессершмитт», но, к величайшему изумлению Хислопа, отверстия стволов его пулеметов были забиты смазкой. Из них никогда не стреляли и не собирались стрелять!

А тем временем немец и полицейские прибыли в распоряжение штаба войск местной самообороны в Басби. Впрочем, штаб – слишком громко сказано. Когда-то в этом здании размещался бойскаутский клуб, переоборудованный под казарму.

Уильямсон повел пленного по узкой бетонной дорожке к двери клуба. Кларк шел за пленником по пятам, не отнимая револьвера от его спины. Впрочем, в этом не было никакой необходимости – летчик не собирался бежать. Уильямсон позже вспоминал, что в ту ночь он больше всего боялся, как бы Кларк нечаянно не выстрелил.

Окна бойскаутского клуба были затемнены. Но, когда Уильямсон постучал, они услышали внутри мужские голоса, разговоры и смех. Громко орало радио, из-за которого люди, готовившиеся ко сну и болтавшие между собой, не слышали стука.

Уильямсон подергал дверь – она была заперта изнутри. Он снова постучал, на этот раз уже громко и требовательно. Звуки, доносившиеся из дома, смолкли, и кто-то крикнул:

– Да выключите вы это чертово радио!

После этого голос за дверью осторожно спросил:

– Кто там? Что нужно?

– Мы из полиции и войск самообороны, – ответил Уильямсон.

– Что вы хотите? Уже поздно.

– Открывайте! – вскричал Уильямсон. – Мы привезли пленного немца!

В замке повернулся ключ, дверь распахнулась. Ефрейтор в расстегнутом кителе приказал:

– Входите поскорее, придурки, а то свет увидят!

В здании клуба находилось около тридцати бойцов самообороны. Они сменились с дежурства и уже раздевались, чтобы лечь спать. Большинству было за сорок, а кое-кому и за пятьдесят. Немцу это зрелище показалось забавным: пожилые мужчины в длинных подштанниках и шерстяных жилетах, с тощими голеньями, отвисшими животиками и узловатыми коленями. Эти грубо сбитые «британские бульдоги» представляли собой весьма убогое зрелище.

На губах немца мелькнула улыбка.

Кларк заметил ее и, желая поднять престиж Британии, громко крикнул:

– Бойцы, на караул!

Солдаты в изумлении уставились на него. Один или два из них продолжали доедать из газетного кулька рыбу с чипсами. Они меньше всего ожидали увидеть в своей казарме немецкого летчика, которого надо было охранять.

– Я сказал – на караул! – грохотал Кларк. Его трясло от гнева и обиды.

Наконец до бойцов дошло, чего он от них хочет. Они быстро оделись, застегнули ремни, расхватали свои винтовки и примкнули штыки. Вскоре они уже стояли в неровном строю.

Пока солдаты выполняли приказ, Уильямсон наблюдал за пленником. Тот сардонически улыбался, и шотландец догадался, о чем думал этот немец.

В Германии такого никогда бы не допустили, ибо там превыше всего ценится быстрота и точность выполнения команд. Однако Уильямсон знал и то, что немца ввело в заблуждение первое впечатление. Большая часть бойцов, находившихся в этой казарме, прошла через горнило Первой мировой войны, показав себя мужественными солдатами и верными товарищами. Конечно, им не хватало лихости и блеска, но ведь дело-то не в этом. В их задачу входило победить немцев, а не поразить их.

Кларк расставил своих бойцов вокруг здания, приказав им отгонять любопытных и пресекать любую попытку пленника бежать. Потом он ткнул немца в спину револьвером.

– Туда, – приказал он, показав на прихожую.

На ее двери висела картонная табличка: «Караульное помещение».

Кларк рывком распахнул дверь и жестом приказал:

– Заходите.

Небрежная улыбка немца исчезла. Он гордо выпрямился.

– Я германский офицер! – жестко произнес он.

Кларк угрожающе покачал револьвером:

– А мне плевать на это – будьте вы хоть самим Гитлером! Делайте, что вам говорят!

Немец недовольно напрягся. Презрительно пожав плечами, он вошел в прихожую. Она была совершенно пустой. Стены ее были выбелены, а пол покрыт пылью и пятнами. В комнате было маленькое оконце, из которого нельзя было вылезти и которое было закрыто гофрокартоном. Губы немца скривились в презрительной усмешке.

Бойцы самообороны сгрудились в дверном проеме, с любопытством глядя на человека, который был их врагом и на лице которого была написана усталость. Он совершил длительный перелет, потребовавший от него напряжения всех сил, повредил себе лодыжку, приземляясь

с парашютом, и попал в плен. Он огляделся, явно сожалея, что в комнате нет стула, пожал плечами и растянулся на грязном полу в йоговской позе расслабления.

Один из бойцов вышел и вернулся с бутылкой молока. Он сорвал с нее картонную крышку и протянул пленнику. Тот взял и мрачно поблагодарил солдата. Забота этого человека, по-видимому, сильно тронула его.

Через несколько минут, в сопровождении армейских и авиационных офицеров, приехал лейтенант полиции Хислоп. При виде офицеров немец оживился. Он вскочил на ноги. Затем он поднял руки, и один из офицеров обыскал его. В караульное помещение внесли небольшой столик, и летчика попросили вывернуть карманы.

Он выложил на стол следующие предметы:

1. Письмо, адресованное герцогу Гамильтону.
2. Небольшой шприц для инъекций.
3. Плоскую коробочку с различными гомеопатическими таблетками.
4. Ручные часы.
5. Фотоаппарат.
6. Несколько фотографий, где он был изображен со своим четырехлетним сыном.
7. Фотографию сына вместе с матерью.
8. Визитную карточку на имя профессора Карла Хаусхофера.
9. Визитную карточку на имя доктора Альбрехта Хаусхофера.

Эта карточка была пришта к подкладке форменного кителя летчика.

– Ваше имя? – спросил его офицер авиации.

– Альфред Хорн.

– Возраст?

– Сорок семь лет.

– Вы прилетели в одиночку?

Вместо того чтобы ответить на этот вопрос, немец сказал:

– Мне необходимо срочно встретиться с герцогом Гамильтоном. Вы же видели адресованное ему письмо.

– Этим мы займемся позже, – заверили его.

Предварительный допрос немецкого летчика продолжался до тех пор, пока не прибыл армейский грузовик с несколькими офицерами. Они отвезли его в казармы «Мэрихилл» в Глазго.

У немца, несомненно, очень болела поврежденная лодыжка. Быстрый осмотр не дал ответа – растянул ли он ее или сломал кость. Поэтому его поместили в медицинском изоляторе казармы. Он был возмущен этим и настаивал, что травма подождет, – он должен немедленно встретиться с герцогом Гамильтоном!

Но на его тюремщиков эти слова не произвели никакого впечатления. Он был для них обычным пленным нацистским летчиком, которого надо было подвергнуть обычной процедуре допросов, как и предписывали законы военного времени.

В 350 милях к югу от Шотландии горел Лондон. В ту субботнюю ночь огонь бушевал на площади семи сотен акров в центре Лондона. За несколько часов было уничтожено больше добра, чем за все время Большого лондонского пожара, продолжавшегося несколько недель!

Во время такого несчастья никто не желал тратить время на нацистского пилота, спустившегося на парашюте. Но для будущих историков полет этого летчика станет гораздо более важным событием, чем воздушный налет на Лондон.

Ибо этого пилота звали Рудольф Гесс, и он был вторым заместителем Адольфа Гитлера!

Глава 2

ИСТОРИЯ УСПЕХА?

Рудольф Гесс родился 26 апреля 1894 года в Египте, в городе Александрия. Он был сыном Франца Гесса, оптового торговца, и Клары Гесс, урожденной Мюнх, родом из города Хоф, в Баварии. У Рудольфа был старший брат Альфред, бухгалтер по профессии, и две сестры – одна замужем за оперным певцом, а другая – за полковником германской армии.

Шесть лет Рудольф Гесс проучился в немецкой школе в Александрии, а в двенадцатилетнем возрасте был отправлен в интернат в Бад-Годесберг на Рейне. Он был старательным и способным учеником, и учителя души в нем не чаяли. Школьные друзья не считали его настоящим немцем, и он всеми силами старался продемонстрировать им свою любовь к Германии. Гесс увлекся немецкой историей, и это увлечение всячески поддерживал в нем учитель истории. Гесс верил, что международные события лишили его родину полагающейся ей славы и величия.

Он хотел изучать математику и стать ученым. Но его отец решил, что он должен продолжить семейный бизнес, и в возрасте пятнадцати лет Гесс стал студентом Высшей коммерческой школы в Невшателе, Швейцария, где провел год. После этого он отправился в Гамбург, где проходил практику в качестве ученика коммерции. Отец собирался послать его в Оксфорд, но этому помешала Первая мировая война.

Рудольф Гесс доказал свою любовь к фатерланду (отчизне), вступив сразу же после начала войны в 1-й Баварский пехотный полк. Он воевал на Западном фронте, в 1916 году был ранен в первый раз, а в 1917-м – во второй. Гесс получил ранение в грудь, задевшее легкое. После долгого лечения был произведен в лейтенанты. Некоторое время Гесс служил в полку Листа – в том самом, где посыльным был Адольф Гитлер. Однако на фронте они не встречались.

В 1918 году Гесс был переведен в только что сформированный Имперский воздушный корпус. Он взялся за изучение летного дела с присущим ему усердием и успешно сдал экзамены на звание летчика. Но его выздоровление после ранения и обучение заняли так много времени, что он смог принять участие в боях только в октябре 1918 года. А через несколько недель было подписано перемирие.

Участие в боевых действиях и горечь, которую Гесс испытал от поражения Германии, оказали огромное влияние на его будущее. Во время беспорядков и революции, которые охватили Германию после войны, он отказался от мысли вернуться в Египет и заняться семейным бизнесом. Вместо этого он поступил в Мюнхенский университет, где занялся изучением истории, экономики и геополитики. Но ум его был охвачен брожением, и, подобно многим людям своего времени, он увлекся революционными идеями, которые витали в воздухе потрясенной войной страны. Международная политика переживала период хаоса, а ужасный экономический кризис породил многочисленные несправедливости и страдания.

Гесс донашивал свою военную форму, поскольку купить штатский костюм ему было не на что. Он вступил в националистическую и антисемитскую политическую группу. С жаром идеалиста он выступал на уличных митингах, распространял листовки, возглавлял демонстрации и организовывал жестокие, кровавые нападения на членов других политических партий. В те дни не были редкостью перестрелки и политические убийства, и во время кровавой борьбы с левым правительством Баварии Гесс сражался в первых рядах. В одном из боев за свержение коммунистического режима в Мюнхене 1 мая 1919 года Гесс был ранен в ногу. (Так называемая Баварская советская республика существовала с 13 апреля по 1 мая 1919 г. – *Ред.*)

Когда была создана национал-социалистическая рабочая партия, Гесс одним из первых вступил в ее ряды. Это была организация, в которой он мог проявить свой идеализм, патриотизм и энтузиазм. Он вступил в партию в июне 1920 года и получил билет за номером 16. Билет номер 7 принадлежал Адольфу Гитлеру.

Удивительно, что человек, столь одержимый политикой, как Гесс, сразу же стал верным помощником Адольфа Гитлера, а не возглавил партию сам.

Гесс взял на себя роль помощника, а не лидера, после первой же услышанной им речи Гитлера. Его политические и философские убеждения к тому времени уже сформировались. Он верил, что Германия сможет вернуть себе надлежащее положение в Европе только в том случае, если ее возглавит человек необычных дарований и нетривиальных идей. Еще до вступления в партию Гесс написал эссе под названием «Человек, который спасет нашу страну», где высказал эти идеи. И когда он впервые услышал речь Гитлера, на него снизошло озарение. Он понял, что Гитлер и *есть тот самый человек*, который призван спасти Германию. С этого момента он превратился в фанатично преданного помощника Гитлера, хотя для этого ему пришлось отказаться от своих собственных политических амбиций.

В следующем году, 21 ноября, он на деле доказал, что готов бросить на защиту своего фюрера не только весь свой интеллектуальный потенциал, но и саму жизнь. Такой случай предоставился ему в Мюнхене, на митинге национал-социалистической рабочей партии, в ту пору еще совсем небольшой организации, которая не имела никакого политического веса. Гитлер выступал перед своими последователями в пивном зале. Его антисемитские и антибольшевистские идеи у многих вызывали возмущение, и в зал проникла сотня социал-демократов и коммунистов. Такие вещи случались часто, и нацисты были к этому готовы. Пятидесяти членам национал-социалистической партии было поручено охранять митинг – они были готовы броситься в бой с теми, кто захочет им помешать.

Как только Адольф Гитлер заговорил, в зале раздались свистки, мяуканье и топот. Нацистские охранники бросились в бой. Три или четыре нациста хватали кого-нибудь из тех, кто выражал свое возмущение речью Гитлера, волокли этого человека к двери или к окну и выбрасывали вон. Через несколько минут в зале уже кипела кровавая драка.

Гесс принял на себя командование боевиками и плечом к плечу с Эмилем Морисом храбро бросился в самую гущу дерущихся. Кто-то из противников занес над головой Гитлера пивную кружку. Гесс увидел это и принял удар на себя. Его голова была сильно разбита – у него на всю жизнь сохранился шрам от раны, полученной в той драке.

Это был исторический день. Успех боевиков убедил Гитлера, что ему необходимо завести свое собственное войско. Он объединил охранников, сражавшихся за него в пивном зале, в особое формирование, которое получило название штурмовых отрядов и положило начало знаменитой своими зверствами СА. Гесс активно участвовал в создании СА, организовав студенческий штурмовой батальон.

Адольф Гитлер в своей книге «Майн кампф» так описывал то бурное ноябрьское собрание: «Не успел наш митинг начаться, как мои люди из штурмового отряда – с тех пор их стали называть штурмовиками – бросились в бой. Подобно волкам, стаями по восемь–десять человек, они набрасывались на врагов. Очень многих я по-настоящему узнал только в тот день. И во главе их стоял доблестный Рудольф, мой нынешний секретарь Гесс».

Много лет спустя Эмиль Морис, который во время ноябрьского побоища тоже доказал свою верность фюреру, стал личным шофером Адольфа Гитлера.

С тех пор пути Рудольфа Гесса и Адольфа Гитлера тесно переплелись. В 1923 году оба молодых политических лидера участвовали в попытке сбросить правительство Баварии и были заключены в крепость Ландсберг. Но тюрьма не остудила их революционного пыла, и Адольф Гитлер, чтобы скрасить часы вынужденного безделья, начал писать книгу «Майн кампф». Он печатал текст двумя пальцами на пишущей машинке, предоставленной ему начальником

тюрьмы. Гесс помогал, обсуждая с ним каждую главу, высказывая свои собственные взгляды, давая оценку различным идеям и исправляя ошибки Гитлера в правописании и аргументации.

Нет никакого сомнения в том, что во время долгих часов, проведенных с Гитлером в одной камере, Гесс оказал огромное влияние на мировоззрение будущего фюрера. «Майн кампф» стала «библией» нацизма. В ней был изложен гитлеровский план революционных преобразований в Германии (и завоевания «жизненного пространства». – *Ред.*), который позже стал основой политики Третьего рейха.

Но поскольку написать «Майн кампф» Гитлеру помог Гесс, то косвенное влияние на фюрера оказал еще один человек – профессор и геополитик Карл Хаусхофер. Через двадцать лет именно он натолкнет Гесса на мысль совершить полет в Британию.

Когда срок заключения Гесса и Гитлера закончился, их соратники собрали деньги, намереваясь нанять самую лучшую машину для встречи своих лидеров. Но денег, которых им удалось наскрести, хватило только на старый, разбитый «Мерседес-Бенц». Рессоры у него провисли, а из драной обшивки сидений торчал конский волос. Гитлер и Гесс вышли из раздвижной двери тюрьмы, увидели эту старую колыхающуюся и тут же свернули за угол. Здесь они подождали, когда машина подъедет, и, убедившись, что их никто не видит, забрались внутрь и уехали.

Впрочем, с этим случаем связан и романтический эпизод. В «Мерседесе» сидела Ильзе Прол – с этого дня дружеские отношения Гесса к ней переросли в настоящую любовь, завершившуюся женитьбой.

Гитлер не только благословил этот брак, но и всячески способствовал ему. Гесс сделал Ильзе предложение в ресторане «Баварская остерия» (остерия – кабачок, харчевня (*ит.*). – *Ред.*), который располагался в Мюнхене на Шеллингштрассе. Это был любимый рестораник студентов, художников и писателей, которые, поглощая неимоверное количество кофе, до бесконечности спорили о политике. Ильзе недавно устроилась продавщицей в букинистический магазин и попросила Гитлера дать ей совет, что делать дальше: стать студенткой дневного отделения Мюнхенского университета, в котором она уже изучала английскую литературу, или потратить свои сбережения на длительную поездку в Италию?

Гитлер посмотрел на нее через стол.

– Ильзе, – тихо произнес он, – есть еще и третий вариант.

– Какой?

– Выйти замуж за Рудольфа, – прямо ответил Гитлер.

Ильзе вспыхнула, смущенная неожиданным предложением. Потом она застенчиво посмотрела на Гесса, который мягко улыбнулся ей:

– Ну так как, дорогая, пойдешь за меня?

Брак с Гессом не обещал спокойной и обеспеченной жизни. Оба спутника Ильзе были безрассудными и упрямыми молодыми людьми, у которых вечно возникали проблемы с полицией, которые постоянно вступали в драки и упорно не хотели работать. Их потрепанная одежда, изношенные ботинки и пустые карманы говорили о том, что на семейное счастье и обеспеченную жизнь рассчитывать не приходится. Ильзе не могла знать, что через десять лет эти два парня превратятся в самых могущественных людей в Германии, сосредоточивших в своих руках такую власть, о которой никто не мог и мечтать. Тем не менее она без колебаний ответила:

– Да, Рудольф, пойду.

Они поженились в 1927 году, и с этим браком национал-социалистическая партия потеряла преданного активиста. После свадьбы Гесс запретил жене участвовать в движении, а также вступать в какую-нибудь из женских организаций нацизма. В более поздние годы, когда он стал государственным деятелем, он строго-настрого запретил публиковать фотографии своей жены.

Именно в это время Гесс снова стал посещать Германскую академию в Мюнхене, но теперь уже не в качестве студента, ибо он отказался от всех попыток окончить это заведение, а в качестве помощника профессора Карла Хаусхофера. Это был пост, которого он так долго добивался, поскольку благодаря ему мог тесно общаться с человеком, восхищавшим его не меньше, чем Адольф Гитлер. Теперь Гесс мог посвятить больше времени изучению любопытных и своеобразных философских теорий, которые, после публикации книги «Майн кампф», стали неотъемлемой частью нацистской идеологии.

Гесс поддерживал тесные связи с Гитлером и партией, писал многочисленные партийные пропагандистские брошюры, совещался с Гитлером о политике партии и помогал планировать мероприятия, направленные на увеличение нацистских рядов. В 1932 году с Гитлером порвал Грегор Штрассер, и будущий фюрер сразу же сформировал центральный комитет, который должен был помочь ему сокрушить всю оппозицию. Во главе этого комитета был поставлен Гесс, который с тех пор стал руководить политическим развитием партии на всей территории Германии. Он стал также личным адъютантом и секретарем Гитлера.

30 января 1933 года, в тот день, когда родился гитлеровский «тысячелетний рейх», Гесс получил огромную власть. По его приказу нацистские организации начали методически уничтожать свободу и свободную мысль по всей Германии. Гесс решал, чему должны учиться молодые люди в университетах, школах и религиозных обществах. Он же издал приказ об организации Немецкого трудового фронта. Именно Гесс произносил клятву верности на всех партийных съездах, и Гесс решал, кого можно принимать в национал-социалистическую партию, а кого – нет.

Но высокое положение и огромная власть не вскружили ему голову. Он оставался верным соратником Гитлера, и в 1934 году, когда Рём (в прошлом гауптман, капитан рейхсвера) решил, что имеет больше прав на руководство партией, именно Гесс спланировал и возглавил чистку, которая завершилась казнью Рема и Грегора Штрассера.

Гесс всегда ненавидел евреев, и в 1935 году, когда были приняты антиеврейские законы, подписал указы, легализовавшие неравенство по расовому признаку. В течение последовавших двадцати лет эти законы ввергли мир в пучину войны, обрекшей на страдания и гибель миллионы евреев.

В тот же самый год Гитлер наделил Гесса еще большей властью. Гесс принимал участие в разработке указов всех правительственных ведомств, а также всех указов, касающихся внутрипартийной жизни. В 1938 году, как член тайного кабинетного совета, составлявшего планы нападения на европейские страны, он подготовил заговор с целью убийства фон Папена, немецкого посла в Вене. Фон Папена должны были убрать агенты гестапо, выдававшие себя за австрийских патриотов. Целью этого убийства было спровоцировать целую серию дипломатических инцидентов, в результате которых в Австрию должны были войти германские войска. Однако тщательно разработанный план Гесса провалился. Заговор был раскрыт еще до того, как тайные агенты приступили к действию, и от него пришлось отказаться.

К 1936 году Гесс, бывший бедный студент, который не мог позволить себе купить приличный костюм, оказался на вершине власти, могущества и богатства. Он был ближайшим помощником Гитлера, который прислушивался к его словам, мнению и критическим замечаниям. Гесс участвовал в создании законов, от которых зависела жизнь восьмидесяти миллионов немцев, и был одним из руководителей национал-социалистической рабочей партии, управлявшей Германией.

В течение последующих пяти лет престиж Гесса вырос еще сильнее. Он стал вторым после Германа Геринга заместителем фюрера. Он всегда оставался верен Гитлеру. Говоря о фюрере, Гесс всегда понижал голос, но не из раболепия, а потому, что искренне уважал его. На нацистских съездах он всегда публично говорил о своей поддержке политики Гитлера, и делал это с глубокой и искренней убежденностью. В Нюрнберге ни у кого не возникало ни малейшего

сомнения в полной преданности Гесса своему лидеру. Выступая перед делегатами съезда, он подходил к микрофону, дожидаясь, когда стихнут аплодисменты, и в наступившей тишине начинал говорить с большим эмоциональным подъемом, выдававшим глубину его чувств: «Мы не можем праздновать Рождество, не выразив Всевышнему своей благодарности, идущей из самого сердца, за то, что в годину испытаний он послал нам нашего фюрера, даровав нам свое благословение».

И никто не сомневался в том, что Гесс, произнося эти слова, верит в них всеми фибрами своей души.

Таков был человек, который в одиночку, без оружия, улетел из Германии в Британию, зная, что может стать пленником врага.

Почему же он это сделал?

Глава 3

ПОЧЕМУ ГЕСС УЛЕТЕЛ?

Исторический полет Гесса в Великобританию был совершен с ведома и согласия Гитлера.

Прежде чем одобрить эту идею, Гитлер до бесконечности обсуждал ее с Гессом. Гесс должен был заключить мир с Великобританией и убедить страны Запада совершить вместе с Германией ничем не спровоцированное нападение на Советский Союз. Разгром России позволил бы Германии и Великобритании встать во главе всего западного мира.

Неужели Гитлер и Гесс действительно верили в то, что правительство Британии, этого оплота свободы и демократии, хоть на мгновение допустит возможность подобного сговора?

Да, верили!

Семена этой фанатичной веры много лет назад были посеяны человеком, который всегда оставался на заднем плане, но оказывал, быть может, совсем не желанное влияние на нацистскую партию, о котором никто не подозревал. Это был профессор Карл Хаусхофер.

Хаусхофер родился в Мюнхене в 1869 году в семье профессора Мюнхенского университета. Позже он сам стал профессором этого университета. Хаусхофер участвовал в Первой мировой войне, дослужился до чина генерала, был военным атташе при немецком посольстве в Токио и являлся активным сторонником союза между Японией и Германией.

Влияние профессора геополитики Мюнхенского университета на еще не созданный Третий рейх началось в 1920 году, когда Рудольф Гесс стал одним из его учеников.

Хаусхофер был высокообразованным человеком. Но, как и многие образованные люди, он мог фанатично верить в самые бредовые идеи, пока кто-нибудь их не опровергал. Воспитанный в атмосфере интеллектуального теоретизирования, познавая жизнь по книгам, он был далек от суровой действительности (не совсем так – воевал, много путешествовал, знал Восток и др. – *Ред.*). У Хаусхофера было богатое воображение, но он не умел соотносить свои теории с реальностью.

До этого уже был один уроженец Германии, который достиг посмертной славы за оторванное от жизни теоретизирование, и Карл Хаусхофер, быть может, подсознательно, стремился превзойти его. Это был Карл Маркс, который разработал философскую концепцию о том, что тезис всегда порождает антитезис, а это, в свою очередь, приводит к синтезу. Карл Маркс перевел эту идею на язык практики. Он утверждал, что капитализм (тезис) порождает свою противоположность – рабочий класс (антитезис), а неизбежный конфликт между ними приведет к возникновению социалистической плановой экономики (синтез).

Карл Маркс посвятил всю свою жизнь изучению экономики и написал много книг в подтверждение своей теории, в том числе и «Капитал».

Подобно Карлу Марксу, Хаусхофер тоже создал философскую теорию, но она не была основана на фактах и потому не могла считаться научной (геополитика вполне научна. – *Ред.*). Теория Хаусхофера включала в себя множество самых разных идей. Он верил в предчувствия и сверхъестественные силы, был убежден, что географическое положение страны, ее климат и даже состав почвы влияют на ее судьбу и на взаимоотношения с другими странами. В его лекции необычных идей уживались теория о жизненном пространстве и астрология, мистицизм и антисемитизм, а он попытался слепить из всего этого стройное политическое и философское учение.

Хаусхофер был интеллектуалом. Он любил теоретизировать и вдохновенно трудился над задачей, которую сам себе поставил. На его счастье, лишь немногие из его теорий могли быть опровергнуты. С большим старанием он слепил из этой мешанины идей некоторое подобие системы и заявил, что у него есть программа, которая сделает германский народ великим.

Почему бы престарелым интеллектуалам вроде Карла Маркса и Карла Хаусхофера не потешить себя невинным (?! – *Ред.*) политическим и философским теоретизированием?

Карл Маркс теоретически и интеллектуально обосновал неизбежность революции, хотя ни разу в своей жизни не совершил жестокого поступка. Но молодые люди, увлекшиеся философией Карла Маркса, поверили в ее истинность, и через тридцать лет после своей смерти Маркса сделали настоящим идиолом в Советской России. Он стал своего рода «отцом» Великой Октябрьской революции 1917 года и того, что произошло затем в России.

Последователем Карла Маркса был Ленин.

А учеником Хаусхофера был Гесс. Когда он начал учиться у Хаусхофера, то был еще очень молодым (однако прошедшим войну. – *Ред.*). Гесс был обозлен тем, что экономика его страны находилась в разрухе и повсюду царили страдания и несправедливость. Как и все честные молодые люди (особенно фронтовики), он хотел исправить все беды мира, но не знал как. Зато Хаусхофер знал, как можно решить проблемы Германии. В течение многих лет он разрабатывал философскую и политическую программу развития своей страны. У него были ответы на все вопросы, которые мучили Гесса. Конечно, истинность его теорий никто не опровергал, но от этого они выглядели еще более убедительными. Хаусхофер помог Гессу объединить свои еще плохо определившиеся идеи в стройную систему. Немцы принадлежат к арийской расе, расе господ, но стать господами им помешали евреи. Германия должна подчинить себе всю Европу – от Атлантики до Урала. Вскоре появится человек, который сделает Германию владычицей мира. А звезды предсказали, что он может спасти Германию только в союзе с Японией.

Вполне возможно, что Хаусхофер обладал экстрасенсорными способностями. Его часто посещали предчувствия, и он поступал с учетом этих предчувствий. Они нередко сбывались, и это производило на Гесса огромное впечатление. Он верил, что Хаусхофер и есть тот самый «человек, который спасет их страну», но эта вера продолжалась только до того, как он услышал речь Гитлера. Вот тогда-то он понял, что это и есть тот самый человек.

Теории Хаусхофера оказали на Гесса огромное влияние – он впитывал их с жадностью. Когда же Гесс и Гитлер оказались в одной тюремной камере, Гесс рассказал ему о теориях своего учителя. Час за часом, день за днем, неделя за неделей два молодых человека увлеченно обсуждали политические проблемы Германии и ее будущее. Пишущая машинка Гитлера стучала не умолкая – он изливал на бумагу безумный конгломерат идей, который был опубликован под названием «Майн кампф». Вместе Гитлер и Гесс разработали политическую программу, которой вскоре было суждено ввергнуть мир в пучину варварской дикости и беспримерной жестокости.

Быстрый захват Гитлером власти, казалось, полностью подтвердил истинность теории Хаусхофера. Для Гитлера и Гесса этот профессор стал оракулом, мнением которого они очень дорожили.

Но Гитлер был упрям. Хаусхофер настаивал, чтобы он подписал Мюнхенское соглашение с Чемберленом. Хаусхофер яростно возражал против войны с Великобританией. Он настаивал, чтобы Гитлер нанес визит в Лондон и добился соглашения по поводу спорных территорий в Африке. Он говорил, что Гитлеру не стоит начинать войну на Востоке, особенно с Польшей, не обсудив предварительно свои действия с западными странами. Но Гитлер уже закусил удила и не желал, чтобы ему давали советы или руководили его действиями. Он отверг предложения Хаусхофера, и после этого они уже никогда больше не встречались.

Хаусхофер был убежден, что политика Гитлера ошибочна, несмотря на всю ту славу, которую принесло ему завоевание Франции. Когда же он узнал, что Гитлер тайно готовит вторжение в Советский Союз, сильно встревожился. Гесс по-прежнему продолжал преклоняться перед Хаусхофером, и профессор обратился к своему протеже, умоляя его использовать все свое влияние на Гитлера, чтобы заставить его заключить мирный договор с Британией. В конце

концов, разве он сам не писал в «Майн кампф», этой «библии» нацистов, что «войны на два фронта не будет»?

Но у Гитлера был готов ответ: «Пока мы будем воевать с Россией, нас защитит Атлантический вал».

Однако ему возразил Геринг: «Мы воюем с Британской империей, которая является великой мировой державой. Я совершенно убежден, что рано или поздно против нас выступят и США. Если же мы ввяжемся еще и в войну с Россией, то в борьбу вступит третья мировая держава, и мы скоро окажемся один на один со всем миром».

Гитлер признавал, что все эти опасения справедливы, но не хотел ослаблять решимость Германии сокрушить Британию. Он неохотно согласился прибегнуть к помощи неофициальных миротворцев, которые высказали представителям Британии идею о возможности заключения мирного договора с Германией.

Когда в июле 1940 года в Мюнхен с визитом прибыл Муссолини, ему сообщили об этом. Итальянский диктатор мечтал захватить французские колонии в Африке. К его удивлению, Гитлер отказался надавить на Францию, чтобы заставить ее прекратить боевые действия в Северной Африке и перестать оказывать поддержку Британии.

– Что же тогда на данный момент предпочтительнее для Германии – мир или война? – спросил Риббентропа зять Муссолини граф Чиано.

– Германия предпочитает мир, – ответил Риббентроп, – и об этом по определенным каналам в Швеции было уже сообщено Британии.

Но в палате общин Уинстон Черчилль выразил мнение английского правительства по поводу мирного договора с Германией: «Британское правительство будет сражаться, чего бы это ему ни стоило, так, чтобы, если Британская империя и ее содружество просуществуют еще тысячу лет, люди могли бы сказать: это был его звездный час».

Немецкие миротворцы вышли на Уинстона Черчилля по своим швейцарским каналам, и 28 июня 1940 года он послал своему министру иностранных дел Энтони Идену короткую записку: «Я надеюсь, вы дадите понять, что мы не желаем слышать ни о каких запросах по поводу условий заключения мира с Гитлером и что всем нашим агентам строго запрещено обращаться к нам с подобными предложениями».

Через пять дней после этого британский флот обстрелял, захватил или потопил почти все французские корабли, стоявшие у Орана, вблизи побережья Северной Африки.

Гитлер получил ответ на свои мирные предложения.

Но он не мог поверить, что Черчилль выражает волю всего английского народа, и пять дней спустя фюрер произнес в рейхстаге речь, зная, что она будет передана по Би-би-си: «Мистер Черчилль должен хотя бы однажды поверить мне, когда я предсказываю гибель великой империи – империи, которую я никогда не собирался уничтожить или наносить ей какой-нибудь ущерб. Однако я чувствую, что должен выполнить долг перед своей совестью и еще раз обратиться к разуму и здравому смыслу Великобритании и других наций. Я считаю, что нахожусь в положении, которое позволяет мне выступить с таким обращением, ибо я не побежденный, умоляющий о пощаде, а победитель, обращающийся к разуму людей. Я не вижу причин для продолжения войны...»

Мистер Черчилль сухо прокомментировал это выступление: «Естественно, Гитлер, поставивший на колени Европу, был бы очень рад завершить войну и заставить Британию согласиться с его завоеваниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.